

В. В. ПИМЕНОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ 'ЭТНОС'

Вопрос об определении понятия «этнос» вызывает большой интерес специалистов в разных областях гуманитарной науки, так как от его верного решения зависит успешная исследовательская деятельность этнографов, археологов, теоретиков национального вопроса и др. К настоящему времени советскими учеными многое сделано в плане совершенствования и уточнения наших знаний как о конкретных этносах, так и в отношении самого понятия «этнос»¹, которым постоянно приходится оперировать.

Вероятно, мало кто теперь решится говорить, будто общее понятие «этнос» излишне по причине его «чрезмерной» абстрактности, по той, далее, причине, что «этносов вообще» не бывает, а существуют лишь конкретные народы, народности, племена и прочее. Такая мысль была бы неверна в своей основе, так как всякое понятие есть абстракция, а критерием правомерности существования научного понятия служит не уровень его абстракции сам по себе, а его содержание. Понятие «этнос» должно быть существенным моментом в структуре теории и методологии этнографических наук, должно служить ориентиром для различения этносов и неэтносов, содержать в себе в эмбриональной форме возможности исторической и региональной конкретизации.

Как показывает опыт, выработать такое понятие — нелегкая задача. И хотя каждый из нас в обыденной жизни чаще всего верно выделяет те или иные отдельные этносы (мы не спутаем марийцев с грузинами или эллинов со скифами), тем не менее научное определение этноса не может быть простым обобщением обыденного опыта и обыденного сознания. Путь выработки верного определения понятия «этнос» лежит через обобщение опыта науки, через совершенствование ее логического и теоретического аппарата. Важно, кроме того, учесть, что и сам объект должен достигнуть определенной ступени зрелости, достаточно полно выявить свои качества, дать фактическое основание для обобщения его свойств и характеристик.

С материалистической точки зрения этнос рассматривается не как вместилище некоего духа и не как удобная логическая конструкция, лишь упорядочивающая хаос явлений, а как момент, сторона объективной социальной реальности, которая, как и всякая реальность, управляется свойственными ей объективными законами.

1. Прежде всего, этнос есть некоторое человеческое множество, способное к биологическому самовоспроизводству. В рамках этого множества наличествует разделение по полу и возрасту, происходит смена поколений, имеет место естественный прирост (или убыль) населения, иначе говоря, это множество обладает демографической структурой.

2. Условием существования и самовоспроизводства этого множества в качестве человеческого множества является производительный труд, занятие хозяйством, т. е. экономическая деятельность и соответствующая ей экономическая структура. На этапе возникновения этносов (в первоначальном этногенезе), который точно датировать трудно, но предположительно допустимо связывать с началом верхнего палеолита, производительные силы были настолько неразвиты, а производительность труда еще столь низка, что выживание оказывалось вероятным лишь в условиях простой кооперации труда, возможной только как объединение ограниченного множества индивидов, связанных личным общением. Позднее, с развитием производительных сил, на более высоких уровнях общественного развития эти рамки существенно расширились, а сами этносы укрупнялись. Но первоначально именно характер экономики обусловил дробность древнейших этносов.

3. Совместное материальное производство и самовоспроизводство, очевидно, возможны для обсуждаемого множества лишь в пределах некоторой ограниченной территории. При этом необязательно, чтобы эта граница совпадала с какими-либо естественными рубежами; решающее значение имеют характер и уровень производительных сил. Названное множество обладает структурой пространственно-географического размещения (поселения, расселение, заселение и т. п.).

4. Характеру и уровню развития производительных сил в рамках данного множества неизбежно отвечает определенный тип производственных отношений, следовательно, определенная социальная структура.

5. Необходимый минимум производственной кооперации и социальной организованности возможен лишь в том случае, если участники описываемого множества в состоянии регулярно общаться и обмениваться взаимопонимаемой информацией и тем самым согласовывать свои действия. Всему этому служит «естественный» (этнический) язык — сложнейшая знаковая система, обладающая весьма развитой структурой.

6. В процессе совместной деятельности, прежде всего трудовой, индивиды, входящие в данное множество, создают свою культуру, которая естественно членится на материальную и духовную. На относительно поздних этапах первая из них раздваивается на индивидуально-ремесленно-промысловую и индустриальную, а вторая — на фольклорную и профессиональную, что также говорит о сложности строения культуры в целом.

7. Реальная жизнь (функционирование) изучаемого множества индивидов подчинена некоторым ритмам: природным, происходящим в «космосе» (смена времен года, времени суток, приливы и отливы, разливы рек и т. п.), в самом человеке (дыхание, бодрствование и сон и

прочее), а также социальным (трудовые и этические ритмы). Эти ритмы выражают и обуславливают повторяемость и стереотипность поведения, которое складывается в сложную структуру образа (стиля) жизни, иначе называемого бытом (его наиболее типичные проявления — обычаи и обряды).

8. Совместное проживание на одной территории, совместный труд, известная организованность социальной жизни, культурное и бытовое единство, подкрепленное языковым взаимодействием, в различных формах осознаются. Неизбежное поначалу экономическое обособление ощущается как норма и закрепляется в этнониме. Обособление фиксируется механизмами групповой и индивидуальной психики (установка, стереотипная оценка и т. п.), видимо, частично закрепляясь в более устойчивых психических показателях (темперамент, характер и т. п.), что вновь подтверждает сложность этой структуры.

Каждая из рассмотренных здесь сторон имеет прямое отношение к обсуждаемому множеству как его собственная сторона, характеристика или компонент. Все вместе они образуют сложную структурную социальную систему — этнос. Обобщая изложенное, можно сказать, что этнос есть относительно автономная, сложная, исторически возникшая, динамическая, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, компоненты которой — демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая субструктуры — связаны отношениями числа, порядка, направления, силы, координации и субординации; это система, функционирование и развитие которой в конечном счете экономически детерминировано.

Это определение, как и всякое другое, не может, конечно, считаться ни исчерпывающим, ни окончательным, однако оно удовлетворяет требованиям, выдвинутому в начале настоящей статьи. Из него следует, что понятие «этнос» означает не случайное или произвольное сочетание рядоположенных равноправных признаков и характеристик, а закономерную связь разноплановых социальных явлений и отношений. Эта связь не может быть сведена к импликации (типа $A \rightarrow B$), она носит несравненно более сложный — многомерный характер, включая, во всяком случае, еще и временной аспект. Отсюда можно заключить, что этнос выступает как максимум разнообразных социальных связей, как бы надстроившихся над необходимыми естественными (природными) предпосылками.

В роли ведущих, определяющих генеральное направление развития этноса выступают его экономико-социальные начала. Они выступили в качестве этнообразующих факторов, ими определяется прогрессивное изменение и формирование исторических типов этноса (племя, рабовладельческая и феодальная народности, буржуазная и социалистическая нации), они же в будущем выступят как «разрушители» этносов. Из сказанного видно, что этнос первоначально возник как единственная, нерасчлененная форма организации общественно-экономической жизни, в дальнейшем послужившая почвой, на которой развились другие — классово-антагонистические и из них вытекающие — отношения. На каждом

новом крупном этапе социально-экономического развития этнос принимал новый вид, «подтягивал» свою форму к новому содержанию. Вместе с тем детерминация этноса системна и не может быть описана лишь в терминах этнонимического детерминизма: большую роль играют обратные связи и влияния других компонентов этноса на экономику и социальную структуру.

Данное выше определение имеет не только теоретическую, но и инструментальную ориентировку. Оно нацеливает на изучение этноса как особого качества, на исследование его внутреннего строения, внутренних связей и отношений, учитывает возможность и необходимость применения также количественных методов. Это определение также направляет мысль в сторону познания внутренних противоречий, выступающих как главный источник самодвижения системы. Оно, кроме того, дает основание для различных — диахронических и синхронических — классификаций этносов.

Одним словом, вопрос о дальнейшем содержательном наполнении понятия «этнос» связан уже не собственно с его определением, а с выяснением конкретных свойств конкретных этносов и их групп, с установлением общих и частных закономерностей их функционирования и развития. Так, функционирование и развитие этносов с эпохи первоначального этногенеза, очевидно, совершалось не в изоляции, а в контактах между однородными социальными образованиями. Этносы, следовательно, суть открытые социальные системы, компоненты которых уже в силу своей природы не замкнуты целиком и полностью в строгих линейных границах. Каждый компонент в той или иной мере и входит в этнос, и находится за его пределами. Он служит как интеграции этноса, так и его дезинтеграции. Реальная роль каждого компонента выявляется не абстрактно, а путем анализа в каждом отдельном случае определенного этнического процесса. Так, исходя из той трактовки этноса, которая дана в определении, этнический процесс уже не может рассматриваться только как языковая ассимиляция, аккультуризация или смена самосознания², а понимается как сложный процесс функционирования и развития системы, в ходе которого изменения в одном (или одних) компоненте закономерно сказываются в другом (или других). Так, в силу понимания этноса как максимума социальных связей, отдельная личность, интериоризовавшая совокупность этих связей, выступает их носителем и, следовательно, является этнофором как раз в меру этой интериоризации.

Подводя итог, позволим себе утверждать, что данное выше определение этноса обладает, так сказать, высокой разрешающей способностью. Опираясь на него, оказывается возможным: 1) осуществлять системный подход к объекту, 2) построить общую теорию этноса и этнического процесса, 3) сформулировать применительно к этносу ряд частных теорий (теорию межэтнического контакта, теорию группы, теорию личности и др.), 4) применять количественные методы к изучению этноса и, как нам кажется, — 5) существенно сблизить понимание этого объекта исследователями разных специальностей — археологов, этнографов, социологов и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Г. Агаев. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973; В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972; В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева. Этнические процессы в Советской Карелии.— В сб.: 50 лет Советской Карелии, Петрозаводск, 1970; П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Нации — народ — человечество. М., 1967; С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии).— «Вопросы философии», 1964, № 11; Л. В. Хомич. О содержании понятия «этнические процессы».— СЭ, 1969, № 5; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова Народы. Расы. Культуры. М., 1971.

² В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969.